

Глава 9. Покраснело... Твоих рук дело

— Сперва договоримся.

Цю Бодэн с улыбкой принял предложение. Его брови взметнулись, словно лезвие длинного меча, только что извлечённого из ледяной крошки.

— Сделаешь больно — спихну с дерева.

— Не сделаю.

Жрец-оракул разжал пальцы, освобождая запястье Цю Бодэна, и чуть выпрямился, оставаясь на одном колене. В неверном свете фонаря он протянул руку, осторожно раздвигая серебристые листья дерева Фу.

Цю Бодэн слышал лишь тихий шорох листвы. Он не видел движений юноши, но чувствовал, насколько тот аккуратен и терпелив. Пожалуй, даже няньки, заботившиеся о нём в глубоком детстве, не проявляли такой нежной осторожности.

Опустив ресницы, Цю Бодэн задумчиво потирал левое запястье.

В поместье Лю не было недостатка в служанках. По всем законам гостеприимства господин Лю ни за что не допустил бы, чтобы маленькому предку-наставнику школы Тайи приходилось самому возиться с причёской. Но Цю Бодэн терпеть не мог прямых прикосновений чужих людей. Утром этот самый Оракул всего лишь коснулся его плеча через одежду, и Цю Бодэн оттолкнул его на чистых рефлексах.

А сейчас этот человек сжал его руку. По логике вещей, Цю Бодэн должен был немедленно отправить наглеца в полёт с ветки.

Но он этого не сделал.

Пальцы незнакомца были холодными. В тот миг, когда они сомкнулись на запястье, Цю Бодэну показалось, будто на кожу опустилась снежинка. Это ощущение странным образом переплелось с воспоминаниями о множестве первых зимних дней, когда он открывал окно и ловил ладонью первое дыхание стужи.

Этот едва уловимый холод казался до боли знакомым.

***

Чуть ниже по дереву.

Три человека, сидевшие в ряд, словно нанизанные на ниточку таньюани, синхронно и шумно втянули воздух.

Ого-го!..

Цю Бодэн не видел лица юного жреца-оракула, но с их ракурса всё было как на ладони. Выражение, с которым юноша, опустив взгляд, распутывал волосы Цю Бодэна... Казалось, во всём мире для него не осталось ничего важнее этого занятия! Какая сосредоточенность!

В конце концов, они все были заклинателями (пусть один и бывший жрец-оракул), и со зрением у них всё было в полном порядке.

— Мой отец на мать никогда так не смотрел, — прошептал Цзо Юэшэн.

— Мой тоже, — поддакнул Лу Цзин.

— А у меня нет отца, — отрезал Е Цан, давая понять, что подобного опыта лишён.

— Послушай, — Цзо Юэшэн ткнул Е Цана локтем под дых, понизив голос до комариного писка, — неужели в вашем Ведомстве городских оракулов ко всем нарушителям относятся так... так... предупредительно? Волосы запутались — и он тут как тут, помогает распутывать?

— Мечтай больше! — Е Цан закатил глаза. — Будь я на его месте в бытность жрецом-оракулом, я бы голову сразу снёс, и это ещё считалось бы милосердием!

— О, я знаю, я знаю, что это! — Лу Цзин в возбуждении забарабанил ладонями по плечам товарищей. — Это называется...

«Потерять голову от красоты!»

Одиннадцатый господин Лу в подобных делах считал себя великим знатоком и мгновенно обрёл былую уверенность.

— Если бы ко мне в дом забралась воровка, прекрасная, как этот Цю, я бы не только волосы ей распутал! Захоти она алхимический котёл моего батюшки — сам бы украл и принёс!

Цзо Юэшэн представил «Треножник девяти драконов», который, по слухам, стоил добрую половину всей Долины Медицины. Помолчав, он с оттенком зависти похлопал Лу Цзина по плечу:

— Твой отец любит тебя крепко, как гора...

Сам Цзо, рискни он украсть сокровище старика, лишился бы всех трёх ног разом.

— Погоди, — Е Цан почуял неладное. — Ты же говорил, что у этого парня из родни только мать, которая в нём души не чает?

Вечером, пытаясь заманить Е Цана в проводники для поисков подвески Инь-Ян, Цзо Юэшэн расписал Лу Цзина как «горькую полынь, не знавшую отцовской ласки, забитую братьями и выросшую в одиночестве под крылом матери».

Откуда вдруг взялась отцовская любовь «крепкая, как гора»?

— А-ха-ха, ну это... — Цзо Юэшэн издал нервный смешок. — Потом объясню! Всё потом!

— Жирный лжец! Ты меня обманул! — Е Цан пришёл в ярость и уже засучивал рукава, собираясь проучить толстяка.

Бам! Бам! Бам!

Цзо Юэшэн, Лу Цзин и Е Цан — все как один получили по увесистой затрещине. Меч Тайи со свистом спикировал сверху, по очереди приложившись ножами к их лбам.

— Ой-ёй!

Схватившись за головы, троица задрала глаза кверху. Цю Бодэн смотрел на них с крайне недоброй усмешкой.

На самом деле в ветках запуталась всего одна прядь, но после «гениальных» манипуляций молодого господина в узлы превратилось всё, включая алый узорчатый шёлк, стягивавший волосы. Жрец-оракул вытянул ослабшую ленту и теперь терпеливо, прядь за прядью, распутывал колтуны. Он безукоризненно держал слово: ни разу не потянул слишком сильно, не причинив Цю Бодэну ни малейшей боли.

Как только последняя прядь была свободна, Цю Бодэн вознамерился спрыгнуть вниз и лично отвесить каждому из этих остолопов по пинку.

Эти недоумки помнили, что у заклинателей острое зрение, но напрочь забыли про слух. Цю Бодэн не был глухим и прекрасно слышал всё их шушуканье.

Но стоило ему шевельнуться, как на плечо легла ладонь.

— Подожди, — произнёс жрец-оракул. — Рассыплются.

Цю Бодэн вспомнил тот «шедевр», который он сотворил утром перед зеркалом, и подумал: «Какая разница? Рассыпанные, они наверняка будут выглядеть приличнее, чем то, что наворотил я».

Однако его визави, судя по всему, был перфекционистом до мозга костей. Забрав у Цю Бодэна алый узорчатый шёлк, он принялся расчёсывать его волосы пальцами, собирая их воедино.

Цю Бодэну оставалось лишь беззвучно, одними губами, пообещать троице внизу:

«Вам. Конец. Готовьтесь. Умирать».

Троица мгновенно подобралась и застыла с самым благочестивым видом.

Цзо Юэшэн испытывал перед Цю Бодэном многолетний, въевшийся в кости страх. Лу Цзин, видевший днём, как легко этот красавец меняет милость на гнев, заработал тяжёлую психологическую травму. А Е Цан, глядя на то, как эти двое строят из себя праведников, невольно и сам приосанился.

Только плечи у них мелко подрагивали — бедолаги едва сдерживали смех.

Цю Бодэн пожалел, что уже швырнул меч вниз. Иначе приложил бы их ещё разок.

Впрочем, когда они наконец утомонились, он понял, что в их дурачествах был свой плюс — они хоть немного отвлекали. Теперь же, когда внизу воцарилась тишина, движения жреца-оракула стали ощущаться пугающе отчётливо. Кончики его пальцев, холодные и чуткие, скользили по коже головы, оставляя за собой морозный след. Цю Бодэну не было неприятно, но в груди шевельнулось странное, непривычное беспокойство. Он инстинктивно попытался отстраниться.

Но его тут же мягко остановили.

Рукав Оракула мазнул по щеке, и Цю Бодэн уловил тонкий, едва различимый аромат горьких трав.

Этот запах всколыхнул в памяти образы из детства — бесконечные чаши с какими-то отварами.

Когда Цю Бодэну было десять, он внезапно слёг с сильнейшим жаром. Лучшие врачи со всего света сменяли друг друга у его постели, но лихорадка не отступала. Он бредил, проваливаясь в беспамятство. Тогда маленькому Цю казалось, что небеса наконец-то прозрели и решили избавить мир от такого сокровища, как он.

И вот, когда он уже мысленно распоряжался собственными похоронами, старик из его семьи где-то раздобыл странный рецепт. После этого за ним установили круглосуточный надзор, заставляя пить лекарство строго по часам.

Видимо, сорняки и впрямь живучи: через месяц он снова всю искал приключений на свою голову.

Лихорадка стала, пожалуй, самым ненавистным воспоминанием в жизни молодого господина Цю.

В те дни сознание его плыло в вязкой темноте, словно неприкаянный призрак, не знающий, куда приткнуться. Он чувствовал, как люди приходят и уходят, но не мог даже разомкнуть век. Единственным, что врезалось в память, был этот запах — аромат неведомых трав, томящихся в кипятке.

Пока он пребывал в забытии, жрец-оракул забрал из его рук узкий алый узорчатый шёлк.

Его кисти были изящными, с четко очерченными суставами, длинными и сильными. В том, как он собирал волосы, чувствовалась некоторая скованность — словно он никогда прежде не делал этого для других. И всё же причёска выходила безупречной; Цю Бодэн не добился бы такого результата, даже если бы провёл перед зеркалом вечность.

Алый узорчатый шёлк змеился между бледными пальцами жреца-оракула, переплетаясь с иссиня-чёрными прядями.

Стянув волосы в узел, юноша не остановился. Он достал из рукава простую деревянную шпильку и заколот причёску.

— Теперь не рассыплется.

Оракул убрал руки, снял фонарь с ветки и посмотрел на Цю Бодэна сверху вниз. В его серебристо-серых глазах застыло спокойствие.

— Зачем вы... пришли сюда?

Перед словом «вы» возникла крошечная, почти незаметная пауза, которую он тут же скрыл.

Цю Бодэн уже открыл рот, чтобы ответить, но краем глаза заметил движение внизу.

Троица, только что сидевшая смирно, повскакивала с мест. Каждый держал по куску белой ткани и отчаянно размахивал ими. Заметив, что внимание привлечено, они растянули полотна, из последних сил вытягивая руки к Цю Бодэну. На ткани красовались иероглифы, начертанные

змеиной кровью — размашисто и коряво.

Вместе они складывались в:

«ЖИТЬ! ХОТИМ! МЫ!»

Увидев, что Цю Бодэн прочитал, они синхронно перевернули лоскуты. На обороте тоже были надписи:

«СКАЖИ! ЧТО-ТО! ДОБРОЕ!»

Цю Бодэн: «...»

Можно было не гадать — эту нелепицу наверняка придумал жирный Цзо.

Заметив странное молчание собеседника, Оракул наконец соизволил обернуться и удостоить взглядом тех троих.

Стоило ему повернуть голову, как Цзо Юэшэн и компания мигом скомкали свои транспаранты, запихали их в рукава и вытянулись в струнку с самым постным видом.

Оракул, видимо, решил, что эти трое не стоят его внимания, и тут же отвернулся.

Посмотрев на идиотов, которые продолжали делать знаки — то проводили ребром ладони по горлу, то высовывали язык, изображая висельников, — великий господин Цю, за две жизни так и не научившийся говорить «добрые слова», на мгновение задумался. А затем протянул левую руку к самому лицу Оракула.

Встретившись взглядом с этими тихими серебристыми глазами, Цю Бодэн сдвинул браслет с драконом Куй чуть ниже. На бледной, чистой коже запястья отчетливо виднелся розоватый след.

— Покраснело... Твоих рук дело.

Он заявил это с такой обезоруживающей наглостью, будто требовать невозможного было его священным правом.

— Хочу возмещения.